

LiteraruS – Литературное слово 2(47), 2015 (лето)

2003 – 2013

Историко-культурный
и
литературный журнал на русском языке
Издается в Финляндии с 2003 года

Главный редактор

Людмила Коль

Редакционный совет

Тимо Вихавайнен, Игорь Воловик, Сергей Погребов, Галина Пронина, Ирина Савкина,
Елена Хеллберг-Хирн

Корреспонденты

Полина Копылова (Финляндия), Светлана Матссон-Попова (Швеция),
Нина Гейдэ (Дания), Юлия Лалуа (Франция), Евгений Степанов (Россия)

Компьютерная графика и макет обложки

Таня Варонен

Корректор

Наталья Лопановская

Web-мастер

Евгений Малицкий

Журнал имеет 6 выпусков в год, №№ 1–4 выходят на русском языке

Подписка на журнал принимается

по e-mail: litararus@kolumbus.fi

по тел.: +358 40 5121618

Информация о журнале расположена на сайте:

www.litararus.org

Журнал публикует произведения авторов, живущих в Финляндии, Скандинавии и других странах, а также российских авторов, пишущих на финские темы; тексты принимаются по e-mail

При перепечатке ссылка на журнал обязательна

Точка зрения автора может не совпадать с точкой зрения редакции

Материалы публикуются на безгонорарной основе

Издатель: **LitararuS**

Y-tunnus: 1538941-8

При участии LitararuS ry

Печатается в типографии GRANO

© LitararuS, 2015

Издание осуществляется в рамках Проекта «LitararuS»
при поддержке Министерства образования и культуры Финляндии

ISSN 1459-2673

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

Светлана Кабанова. *Бал, Режиссер* 5

НАША ИСТОРИЯ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Илья Хохлов. *Новгородские полки с «финляндским акцентом»* 6

СОВРЕМЕННЫЙ СЮЖЕТ

Ренат Беккин. *Счастливчик*, рассказ 12

Рита Одиноква. *Конверт*, рассказ 21

Игорь Воловик. *Ноктюрн для левой руки*, новелла (продолжение) 26

ПОЧТА

Светлана Егугкина. *Гритчи* 30

Маргарита Москвичева, Лидия Петровская. *Стихи* 35

АНОНС

Знаете ли вы Хельсинки? 37

СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА ФИНЛЯНДИИ

Арви Пертту. *Боль*, главы из романа 38

ФОТОГАЛЕРЕЯ

Провансальский Дрон 51

СТРАНИЦА ПЕРЕВОДЧИКА

Антти Туури. *В субботу вечером*, рассказ 53

Даниэль Кац. *Граница*, рассказ 58

Конкурс перевода 61

ИСКУССТВО

Светлана Ляшенко. *Они познакомились в Париже* 62

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Алексей Востров. *Шведско-русские разговоры Финляндии. Обзор темы* 70

РАССКАЗЧИК

Тимо Вихавайнен. *Медвежье лето*, сказка 80

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Степан Гавриленко. *Дневник* (Публикация: **Жан Гавриленко**, продолжение) 90

ЭХО

Народное искусство и литература (семинар) 102

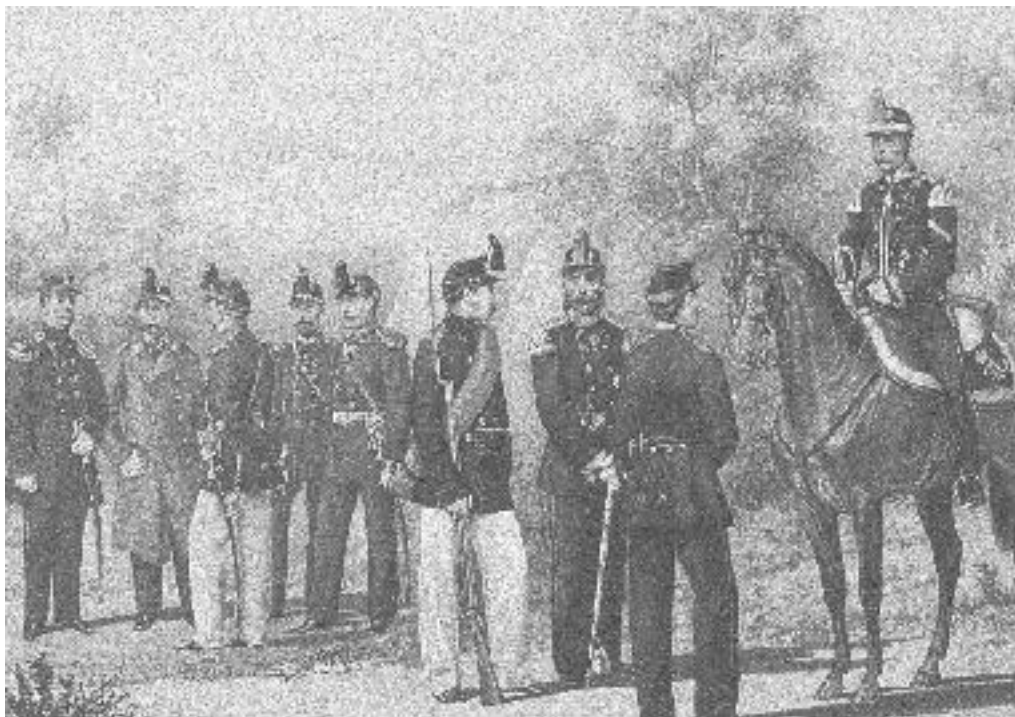
Многоязычная культура Финляндии 107

ОБЪЯВЛЕНИЯ 108

Художественное оформление: *По Франциш*. Стр. 1: Портал замка Сюэ ла Русс;
стр. 4: Кремль. Фото: *LiteraruS*

Илья Хохлов

Новгородские полки с «финляндским акцентом»

В 1864 г. в Новгородскую губернию из Финляндии была переведена 22-я пехотная дивизия. Три из входивших в её состав четырёх полков носили «финляндские» названия – 85-й пехотный Выборгский, 86-й пехотный Вильманstrandский и 87-й пехотный Нейшлотский. Четвёртым полком дивизии был 88-й пехотный Петровский. И хотя изначально эти полки практически ничем не были связаны с давшими им имена городами, впоследствии их судьба оказалась тесно связанной с Финляндией.

Впервые эти три полка, каждый из которых до того прошёл свой особый путь, оказались вместе в составе одной дивизии (21-й пехотной) после окончания войны с Наполеоном. Тогда

же дивизии были определены постоянные квартиры в вошедшей незадолго до того в состав Российской империи Финляндии. Следующие полвека Выборгский, Вильманstrandский, Нейшлотский и Петровский полки провели там. За это время дивизия дважды сменила номер, став сначала 23-й, а с 1845 г. – 22-й. Не избежали преобразований и полки – в 1835 г. они были переформированы в Финляндские линейные батальоны, а те, также претерпев, в свою очередь, ряд реорганизаций, были в 1863 г. вновь сведены в пехотные полки с прежними названиями. Вскоре после этого, в 1864 г., 22-я пехотная дивизия была переведена в Новгородскую губернию. По соображениям военного ведомства, такая мера была продиктована необходимостью «предупреждения вредных последствий, происходящих от долгого пребывания войск среди чуждого им населения».

Действительно, проведенные в Финляндии десятилетия не могли не сказаться на полках и, прежде всего, на их личном составе. Автор истории 85-го пехотного Выборгского полка, получившего постоянные квартиры в Новгороде, так охарактеризовал личный состав первых после перевода из Финляндии лет: «Хотя по племенному составу нижних чинов батальоны наши были чисто русскими, но, в силу постоянного общения с финляндцами, как офицеры, так и нижние чины скоро усваивали финляндский язык и обычаи; к тому же, многие из них как бы сроднились с Финляндиею, женившись на финляндских уроженках, число же женатых нижних чинов было большое, так как в то время разрешалось вступать в брак не только унтер-офицерам, но и рядовым. В числе же

офицеров стали преобладающим элементом уроженцы Финляндии, говорившие почти всегда между собою на своём родном наречии, а не по-русски».

Финляндское дворянство к этому времени заняло прочные позиции в офицерском корпусе русской армии. После вхождения Финляндии в состав Российской империи местное шведское дворянство, будучи верным древним представлением о рыцарской чести, добросовестно служило своей новой родине и её государям. При этом легко понять стремление многих офицеров – уроженцев Финляндии служить в полках, расквартированных на их малой родине. Вероятно, этими объясняется преобладание уроженцев Финляндии в офицерском составе полков 22-й пехотной дивизии в первые годы после их повторного формирования в 1863 г.

Действительно, в списках офицеров этих полков в 1860-е – 1870-е гг. встречается немало шведских фамилий: Рамстедт, Сундваль, Хельфорс, Бروفельт, Бюфиельд, Ньюман, Сальберг, Хольмстрем, Стенрос, Аспелунд, Гофстрем, Олунгрен, Врангель, Прокопеус, Циллиакус, Сундстрем, Хегстреми другие.

Наличие в полку большого количества офицеров из числа уроженцев Финляндии привело к их обособленности от остального офицерства: «В продолжение всего времени командования полком полковника Хестеску среди офицеров не было того единения и близкого общения, которое развилось в среде их столь живо в последующие года. Одною из главных причин тому было, что в числе офицеров было подавляющее большинство шведов и финляндцев, которые держались ближе

между собою, нежели с другими товарищами не их национальности. Они посещали только друг друга, знакомились даже только между собою своими семьями, от других же офицеров держались далеко, плохо владели русскою речью и между собою всегда говорили по-шведски, даже при исполнении служебных обязанностей. Этой обособленности офицеров-шведов способствовало, кроме их многочисленности в полку, ещё и то обстоятельство, что сам командир полка и все штаб-офицеры были шведы».

Некоторой натянутостью в отношениях офицерское общество было отчасти обязано суровому нраву полкового командира – полковника Карла Фёдоровича Хестеску (Teodor Carl Josef Hästesko af Målagård): «Финляндец по происхождению, энергичный и несколько суровый, но в общем

доброжелательный и, как большинство финляндцев, весьма настойчивый, упорный в своих требованиях и весьма строгий во всём, что касалось службы, которой он всецело был предан».

Будущий полковой командир происходил из старинного шведского рыцарского рода. Родился он 16 сентября 1817 г¹. в семье подполковника Берндта Фредрика Хестеску. В 1835 г. он поступил на военную службу портупей-прапорщиком 9-го Финляндского линейного батальона, в 1837 г. произведён в первый офицерский чин прапорщика и переведён в Великолукский егерский полк, в 1839 г. – в Галицкий егерский полк, а в 1844 г. – во 2-й стрелковый батальон, в составе которого в чине штабс-капитана принял участие в Венгерском походе 1849 г., заслужив орден св. Анны 3-й ст. с бангом. В 1855 г. капитан Хестеску был произведён в майоры с переводом в 3-й резервный стрелковый батальон, в 1856 г. назначен командиром 2-го стрелкового батальона, в 1857 г. – 4-го стрелкового батальона. Став подполковником в 1861 г., он в 1863 г. получил должность командира 10-го Финляндского линейного батальона и вскоре стал командиром вновь сформированного Выборгского пехотного полка. 3 ноября 1864 г. подполковник Хестеску стал полковником. В 1871 г. полковник Хестеску вышел в отставку, получив чин генерал-майора. Умер Карл Фёдорович Хестеску в 1878 г. в своей родной Финляндии.

Обладая, по всей видимости, по-северному сдержанным характером, он был требователен к подчинённым и не поощрял весёлых празднеств, столь любимых во многих полках русской

¹ Даты приводятся по старому стилю.

армии. Торжества по случаю ежегодного полкового праздника во время его командования ограничивались молебном, после которого полковник поздравлял нижних чинов, а иногда тут же и офицеров «с 1 бокалом вина». В этот день не всегда даже прекращались обычные служебные занятия. Нижние чины получали в день полкового праздника улучшенное довольствие в виде пирога и чарки водки.

Суровый командир уделял немалое внимание внешнему виду офицеров. При всей его неумолимости кразного рода просьбамо офицеров, он никогда не отказывал в помощи, если речь шла об обмундировании или вооружении. К нижним чином полковник Хестеску относился «со свойственной финляндцам суровостью».

В 1865–1869 гг. в 85-м пехотном Выборгском полку служил и племянник Карла Фёдоровича Хестеску, сын его сестры Хедвии Жозефины Аделаиды и подполковника Оскара Шаумана (тоже успевшего в 1863–1865 гг. послужить в полку) – штабс-капитан Фёдор Оскарлович Шауман (Fredrik Waldemar Schauman). Фёдор Оскарлович родился 29 июля 1844 г. Окончив Финляндский кадетский корпус, он 13 июня 1862 г. был произведён в подпоручики и выпущен в 7-й стрелковый батальон, участвовал в Польской кампании 1863–1864 гг., получил орден св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, а с 1865 г. служил в 85-м пехотном Выборгском полку. В 1866–1868 гг. он прошёл курс Николаевской академии Генерального штаба, и последующая его военная служба проходила в различных штабах: в 1869–1870 гг. он был старшим адъютантом штаба местных войск Финляндского военного округа, в 1870–1872 гг. – старшим адъютантом

штаба расквартированной в то время в Финляндии 23-й пехотной дивизии, в 1872–1878 гг. занимал различные должности в штабе Харьковского военного округа, в 1878–1885 гг. был начальником штаба 7-й пехотной дивизии, после чего его карьера снова оказалась связанной с родной ему Финляндией. В 1885–1888 гг. он состоял при военном министре для докладов по делам финских войск, в 1888–1894 гг. был начальником штаба финляндского генерал-губернатора по части финских войск, а в 1894–1899 гг. занимал должность начальника Вазаской губернии. В 1886 г. Фёдор Оскарлович Шауман за отличия по службе был произведён в генерал-майоры, а в 1896 г. – в генерал-лейтенанты. В 1896–1900 гг. он состоял сенатором и начальником милиционной экспедиции финляндского Сената.

В 1900 г. генерал-лейтенант Шауман был уволен по прошению в отставку с переименованием в тайные советники. Будучи глубоко убеждён, что Великое княжество финляндское имеет право иметь собственную армию, он выступал против обсуждавшихся в то время планов её упразднения. И всё же, к 1901 г. практически все финские воинские части были расформированы. Не смирившись с этим, Шауман разработал тайный план военной подготовки жителей Финляндии. В соответствии с ним в стране должна была быть создана сеть стрелковых обществ, члены которых обучались бы стрельбе из боевых винтовок. Членом такого общества был и один из сыновей генерала Шаумана – Евгений, в полной мере разделявший мысли отца. В 1904 г. в здании Сената Евгений Шауман смертельно ранил финляндского генерал-губернатора Николая Ивановича Бобрикова и

застрелился сам. Во время обыска, состоявшегося в тот же день на квартире генерала Шаумана, был найден собственноручно написанный им план создания стрелковых обществ. Шауман был обвинён в государственной измене, однако вследствие ряда причин дело было приостановлено, а сам подсудимый до окончания расследования освобождён из-под стражи и вскоре прибыл в Гельсингфорс, где и скончался в 1911 г.

Интересно, что первое знакомство будущих сенатора и генерал-губернатора могло произойти в Новгороде – в 1868–1876 гг. полковник Н.И. Бобриков был начальником штаба 22-й пехотной дивизии, который располагался в городе.

Некоторые из служивших в 22-й пехотной дивизии уроженцев Финляндии нашли в новгородской земле последний приют. Так, на кладбище 87-го пехотного Нейшлотского полка, располагавшемся рядом с Аракчеевскими казармами Новгородского уезда, был похоронен умерший в 1892 г. отставной полковник Отто Карлович Сильверберг. Там же покоился прах его жены Инессы, а также её матери – Александры Оберг.

В последующие годы шведские фамилии всё реже встречаются в офицерских списках полков 22-й пехотной дивизии, однако вплоть до их расформирования в 1918 г. уроженцы Финляндии продолжали служить в их рядах, по-прежнему занимая подчас высокие должности. Например, уроженец Выборга Вильгельм Христианович Окерман командовал в 1889–1894 гг. 86-м пехотным Вильманstrandским полком. Начав службу юнкером в 9-м Финляндском линейном батальоне в 1855 г., он вышел в отставку в чине

генерал-лейтенанта. Умер В.Х. Окерман в 1919 г. в Выборге.

Можно уверенно говорить, что «финляндский акцент», отчасти предопределённый названиями полков 22-й пехотной дивизии, сохранялся на протяжении всей их истории.

Источники и литература

Отдел письменных источников Новгородского государственного объединённого музея-заповедника. Ф. 57. Оп. 1. Д. 8. Список погребённых на военном кладбище 87-го пехотного Нейшлотского полка (бывшего Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса). 1911 г.

Отчёт Главного управления Генерального штаба за 1864 год // Всеподданнейший отчёт о действиях Военного министерства за 1864 г. СПб., 1866.

Список генералам по старшинству. Составлен по 1 сентября 1896 г. СПб., 1896.

Очерки из 200-летнего прошлого Выборгского полка, составленные офицерами под редакцией командира полка. Новгород, 1900.

<http://www.kansallisbiografia.fi/>

Список иллюстраций

1. Офицеры и нижние чины 22-й пехотной дивизии. 1865 г.

2. Рядовой Финляндского линейного батальона в праздничной форме. 1857 г.

XVII Всемирный конгресс русской прессы (ВАРП) Москва, 9-13 июня 2015 года

По данным ВАРП, русские газеты, журналы, издательства, радио, телевидение существуют сейчас в более чем 80 странах мира.

Конгрессы ВАРП:

I – 1999, Москва-Сочи (Россия)
II – 2000, Нью-Йорк-Вашингтон (США)
III – 2001, Киев-Канев (Украина)
IV – 2002, Берлин (Германия)
V – 2003, Баку (Азербайджан)
VI – 2004, София-Варна (Болгария)

VII – 2005, Хельсинки (Финляндия)-
Стокгольм (Швеция)
VIII – 2006, Астана (Казахстан)
IX – 2007, Париж (Франция)
X – 2008, Москва-Казань-С.-Петербург
(Россия)
XI – 2009, Люцерн (Швейцария)
XII – 2010, Тель-Авив-Иерусалим
(Израиль)
XIII – 2011, Киев-Одесса (Украина)
XIV – 2012, Неаполь-Капри (Италия)
XV – 2013, Минск-Брест (Белоруссия)
XVI – 2014, Шанхай (КНР)

Следите за объявлениями
на нашем сайте:

www.literarus.org

«Здравствуйте!

Я Светлана Егуткина. Живу в Финляндии, в городе Турку. Занимаюсь медитациями. Много раз была в Индии, жила в ашрамах, получила саньясинское имя: Yoga Bholi, которое переводится, как «медитирующая невинность». С приходом медитации в мою жизнь, начался творческий процес. Я стала писать притчи, рассказы и рисовать. Посылаю в вашу редакцию несколько своих притч. Если, они подойдут к статусу вашего журнала и понравятся, то я буду очень рада. Притчи я подписываю своим саньясинским именем.

*Суважением,
Светлана»*

Светлана Егуткина
Светлана Егуткина

Притчи

ВСЕ, ЧТО ДАЛЕКО, ВСЕГДА БЛИЗКО

Высоко в горах, в маленькой хижине, жил Мастер. Много лет провел он в уединении в поисках Истины. Изредка к нему забредали путники, чтобы обогреться у огня или переждать непогоду. Мастер со всеми делился своей скудной пищей и был гостеприимным хозяином. Почти всегда пришедшие к нему задавали одни и те же вопросы: «Как ты тут живешь один? Не хочешь ли вернуться в долину, к людям? Какой смысл в такой одинокой и искучной жизни?» Мастер лишь улыбался в седую бороду и молчал.

Однажды к нему пришла женщина. Она была уже немолода, но черты ее лица сохранили былую красоту. Женщина попросила у Мастера приюта на несколько дней. Она стала помогать ему по хозяйству: собирала хворост, убирала хижину, ходила за водой к горному ручью. Как-то вечером, сидя возле костра, она обратилась к Мастеру:

– Возьми меня в жены. Я буду скрашивать твою одинокую жизнь.

Мастер с улыбкой отвечал ей:

– Разве может быть жена у того, кого здесь нет?!

– О чем ты говоришь? – удивилась женщина. – Я вижу здесь зрелого мужчину.

– Ты видишь то, что хочешь видеть, а не то, что есть на самом деле, – отвечал ей Мастер.

– Ты все время говоришь загадками. Видимо, я тебе совсем не нравлюсь... – обиженно проговорила женщина.

Мастер рассмеялся. Женщина вскочила и пневно воскликнула:

– Я считала тебя мудрым человеком, а ты смеешься надо мной!

Мастер взял ее за руку, усадил возле огня и ласково сказал:

– В поисках счастья ты забралась слишком высоко. Твое счастье всегда было рядом, возле тебя, только ты этого не замечала.

Женщина удивленно уставилась на Мастера. Он продолжал:

– Порой мы не видим простых вещей. Наш ум всегда пытается увести нас в страну грез и иллюзий. Он шепчет нам о том, что мы достойны большего и не стоит обращать внимание на тех, кто постоянно путается у нас под ногами.

Женщина все еще непонимающе смотрела на Мастера.

Тогда Мастер просто сказал:

– Возвращайся домой. В твоем селе есть человек, который давно и безответно тебя любит.

Женщина ахнула, прижала руки к груди. Глаза ее увлажнились, к щекам прилил яркий румянец.

– Иди! Он ждет тебя. – Мастер помог ей подняться и подал ей шерстяную накидку.

Женщина сделала несколько шагов и обернулась.

– Спасибо тебе! – Она низко поклонилась Мастеру.

Он поклонился ей в ответ и взмахнул на прощание рукой.

И женщина поспешила на встречу со своим счастьем. А Мастер стоял на пороге хижины и его сияющая улыбка освещала ей путь.

5.03.07 Ma Yoga Bholi

МАСТЕР И УЧЕНИК

Ученик работал. Он переписывал книгу. Перо монотонно скрипело. Это была тридцать седьмая страница за сегодняшний день.

Вот уже три года Ученик находится здесь и изо дня в день переписывает старинные рукописи и книги. Часто он делает это автоматически, бездумно, так как не понимает содержания. Но он все равно старательно и аккуратно переписывает текст, потому что, это его работа. Из-за работы ему дал Мастер.

Ученик отложил перо, глубоко вздохнул и закрыл глаза. Он решил немного отдохнуть.

За эти три года Ученик многому научился: его тревожный ум успокоился и не терзал больше своего хозяина. Мысли стали размеренными и не беспокоили воспоминаниями из прошлого. А ведь было время, когда Ученик не мог спокойно ни есть, ни спать. Его воспаленный ум вынашивал план мести. Он хотел отомстить за смерть своей возлюбленной. Но все это происходило давно, и тогда он еще не был Учеником. А сейчас его израненная душа обрела покой у ног Мастера.

Отдых Ученика был прерван приходом Мастера. Ученик склонился в глубоком поклоне. Мастер сел напротив своего Ученика и произнес:

– У меня есть к тебе просьба: мой брат тяжело заболел. Я хочу попросить тебя

спуститься в долину и отнести ему целебные корни.

Это предложение было неожиданным для Ученика. Он давно не общался с людьми и не был уверен, что готов к встрече с ними. Видя его замешательство, Мастер улыбнулся и сказал:

– Не волнуйся, у тебя все получится.

Итак с восходом солнца Ученик отправился в долину. Он с интересом смотрел по сторонам, наблюдая за яркой картиной раннего утра. Позолоченные горные вершины сияли в голубой дымке. Извилистая тропа была усеяна серебряными бусинами росы. Свежий воздух бодрил, и Ученик уверенно шагал вперед.

К полудню он вошел в селение. Сердце заколотилось в груди. Ученик остановился и перевел дух. Вокруг сновала оживленная толпа: мужчины с тюками, волы, нагруженные тяжелой поклажей, женщины с кувшинами и корзинами, дети, возвышиеся в пыли. Все были заняты своими делами и никто не обращал внимания на Ученика. Он постоял немного, привыкая к суете и людям, потом медленно двинулся по улице в поисках нужного дома. Ученик с трудом нашел неприметную хижину в зарослях жасмина. На пороге его встретила молодая женщина. Она молча взяла корзину с корнями и жестом пригласила Ученика зайти в дом. Он вошел и сел недалеко от дверей на чистую мягкую циновку. Из соседней комнаты доносились голоса. Вскоре молодая женщина вернулась и сказала:

– Мой отец благодарит тебя за то, что ты проделал такой длинный путь и принес ему необходимые корни.

Ученик поклонился в ответ. Хозяйка угостила его рисом и горячим чаем. Затем взяла в руки вину и стала тихонько перебирать струны.

Ученик ел молча и поглядывал на женщину. Ее большие карие глаза светились добротой. Черные, как смоль, волосы были заплетены в тугую толстую косу. А розовое сари, расшитое золотыми нитками, подчеркивало стройную фигуру. В какой-то момент их глаза встретились, и Ученик почувствовал, как горячей волной нахлынуло на него давно забытое желание обладать женщиной. Во рту у него пересохло, мысли стали путаться. Он не мог ни говорить, ни дышать. И хотелось ему только одного: остаться с этой женщиной, прижаться к ее упругому телу и целовать, целовать...

Молодая женщина отложила вину и тихо сказала:

– Если останешься здесь, больше потеряешь, чем найдешь...

Удивился Ученик столь мудрым словам. Устыдился своих помыслов и упал к ее ногам.

– Прости меня! Я думал, что уже освободился от плотских желаний...

Молодая женщина ласково погладила его по голове и сказала:

– Нет в этом твоей вины. Ты еще молод и в тебе много не реализованной энергии. Почему ты ушел от мирской жизни?

– Моя любимая погибла... И сердце разрывалось от боли и страдания. Мне не хотелось больше жить среди людей.

Женщина внимательно посмотрела на Ученика и сказала:

– Ты не успел познать жизнь во всей ее полноте. Нельзя отбросить то, что полностью не исследовано и не испытано. Лишь познав все сполна и насладившись этим, человек понимает тщетность всего этого и тогда начинается истинное путешествие. Путешествие к блаженству и вечности.

Ученик затаив дыхание, слушал женщину и казалось ему, что сама богиня Лакшми разговаривает с ним.

– Сегодня вечером, – продолжала она, – в нашем селенье начинается сезон свадеб. Сотни девушек и парней будут на этом празднике. Пойди туда. Веселись, танцуй, радуйся, люби... Будь тотален во всем, что бы ты ни делал.

Ученик низко поклонился женщине и скрылся за дверью.

Прошло семь дней. Ученик вернулся к Мастеру, припал к его стопам и хотел было поведать ему обо всем. Но Мастер поднял своего Ученика, обнял его и сказал:

– Теперь ты готов! Путь открыт!

*7 февраля 2008 г.
Ma Yoga Bholi.*

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

Однажды, Мужчина, блуждая по миру, в поисках славы и приключений, встретил прекрасную Женщину.

– Я завоюю тебя! – прорычал Мужчина.

Женщина внимательно посмотрела на него и спокойно ответила:

– Я сдамся без боя!

Мужчина озадачился: он хотел завоёвывать и побеждать. А тут все так просто – это было ему неинтересно, но и отказываться от этой привлекательной женщины он тоже не хотел. И Мужчина решил продолжить разговор.

– А почему ты решила сдаться? – спросил он.

– Мужчином свойственно завоёвывать и побеждать. А я всего лишь слабая женщина. Все мои усилия против тебя будут тщетны. Зачем тратить на это энергию? Лучше отдаться добровольно.

« Ого, – подумал Мужчина, – эта женщина не только красива, но и мудра». Но вслух он сказал:

– Завоюя тебя, я получу истинное удовольствие!

Женщина улыбнулась тихо произнесла:

– Зачем блаженный миг слияния двух тел сводить к насилию? Не лучше ли все превратить в игру и насладиться происходящим?

– Как это, в игру? – удивился мужчина.

Не говоря ни слова, Женщина подошла к Мужчине и начала гладить его по взъерошенным волосам. Стала целовать его глаза и губы.

Вначале Мужчина опешил, но потом тепло разлилось по всему его телу и сладкой дымкой всколыхнулись воспоминания о далеком детстве. Мужчина с нежностью подумало своей матери, о ее ласковых руках. Он вспомнил, как она его баюкала и пела колыбельную песню. И дрогнуло твердое сердце воина. И преклонив колена перед Женщиной, Мужчина сказал:

– Ты покорила мое сердце! И я готов отдать за тебя жизнь!

И воцарилась вокруг тишина. И в этой тишине рождалось нечто сияющее и прекрасное... И имя ему было – Любовь!

*4 сентября 2007 г.
Ma Yoga Bholi*

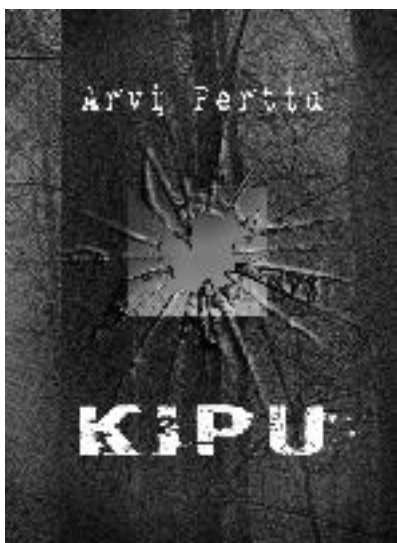

Арви Пертту

Боль

Главы из романа

Глава 1

ПОХОД

Прошлого не вернуть, но хватка его сильна, оно не отпустит никогда. Санни смотрела в окно на мелькавшие мимо деревья, серые сараи в полях, которые покрывал дряблый мартовский снег, грязно-красные дома на пригорках, маленькие черные пятна на снегу: людей, лошадей. Она фиксировала пейзажи тренированным взглядом рисовальщица, но внутренний взор удерживал только кровавое море на набережной Круунунхака¹, в тот последний вечер, когда солнце опускалось за крыши самого центра города. Она чувствовала себя на том берегу, будто на краю проруби, готовая кануть в пустоту, смерть, вечность, которая, тем не менее, не могла дать забвения, а только нескончаемую боль. В Питере, почти три года назад, она долго стояла у «Черного квадрата» Малевича и не могла понять. Теперь она знала, что война изменила мир кардинально, его нельзя было больше изображать традиционным способом, поскольку мир сбежался, а может, расширился,

превратившись в черный квадрат.

В Иисалми меняли локомотив.

Санни смотрела на белый перрон, удивляясь, почему пиексы мужчин не оставляют грязных следов на снегу. После окровавленной слякоти и весенней серости Хельсинки казалось, что время повернуло вспять. Снова была зима, площадь за вокзалом под толстым снежным покровом, на березах, растущих за обширным станционным двором, толстый слой инея. Маленькое здание вокзала посреди заснеженного пейзажа казалось пряничным домиком в сахарной глазури. Она впервые была столь далеко на севере, а впереди ожидала еще долгая дорога в Каюни.

Санни спала почти всю дорогу из Куопио. Она настолько устала после своего побега, что не в силах была следить за изменениями в природе. Из Хельсинки до Коуволы она добралась на товарняке красных, спрятавшись в куче мешков на открытой платформе. Промеж мешков гулял ледяной сквозняк, однако, к счастью, поезд шел всю дорогу почти без остановок. В Коуволы было сложнее. Санни удалось незаметно выскользнуть из поезда, и она некоторое время шаталась в окрестностях вокзала, не решаясь выспросить путь на север. Боялась она не напрасно: вскоре ее остановили на улице двое мужчин с красными ленточками на ушанках:

– Куда это парень направляется?

Санни пролепетала что-то о потерянных родителях, которые остались в Валкеала, пока она, то есть он, постил у родственников в Котка:

– Там уже стоят белые?

– Э, парень, лахтари крепко застряли на той стороне Савитайпале.

– Так я попаду в Валкеала?

– Разве что пешком, – мужчина указал в сторону Кауппаланкату. – Нет там никаких войск.

Покидая Хельсинки, Санни изучила

карту и постаралась запомнить маршруты следования и названия мест. Она не осмелилась взять карту с собой, опасаясь, а вдруг ее задержат, и тогда карта будет свидетельствовать против нее. Через Валкеала шел путь на Миккели. Туда было полторы сотни километров, но теперь главным было выбраться на правильный путь. Санни надеялась, что подвернутся какие-нибудь сани, повозка. Она предполагала, что после захвата Варкауса белые двинутся к югу.

Строение вокзала в Коуволы и деревянные дома слободы вскоре сменила лесная дорога, которая временами выныривала из темной глуши воткрытое поле, обжитое крестьянскими домами, и опять прягалась в лес. Идти лесом казалось Санни безопаснее, вблизи домов она инстинктивно втягивала голову в плечи и почти пускалась бежать.

После трех часов интенсивной ходьбы она добралась до Валкеала. В сумеречном вечернем свете она заметила три лошадиных повозки возле большого дома чуть в стороне от дороги. Возле саней суетились какие-то люди, которые выносили из дома вещи. Пожилой человек на пороге дома был похож на попа. Неужели красные грабили поповскую усадьбу? Однако хлопоты напоминали не грабеж, а скорое бегство. Мужчины, грузившие поклажу, переговаривались между собой шепотом и передвигались пригнувшись. Красные грабители били рубы, они бы наверняка кричали и стреляли. Санни решила попытаться счастье и направилась прямо через двор к этому попу.

– Добрый день, – Санни произнесла смиренно и стянула с головы шапку. – Извините за беспокойство, но вы случайно не в Миккели направляетесь?

Поп ничего не спросил, наверняка догадавшись по разговорной манере Санни, что паренек не из торпарей. Кивнув, он рассказал, что ожидает насту-

пленения белых, однако не хочет оставаться в зоне боев.

– Красные наверняка при отступлении разграбят все что можно. Молодому человеку нужна повозка?

Едва стемнело, отправились в путь. Проводник, человек из Мянтюхарью, знал зимний путь, который не патрулировали красные. В Мянтюхарью можно было отдохнуть, там уже стояли белые. Санни смотрели с воза на темные дома и тихие деревни, открытые поля. Дорога сквозь ночь казалась бесконечной, но в овечьем тулупе, который дал добрый поп, было тепло всаиях среди мешкови прочей поклажи. Друг за другом следовало четверо саней, колокольцы были сняты с оглобельных дуг, слышался только стук копыт по заснеженной дороге да приглушенный скрип полозьев. Все это казалось новым и незнакомым для Санни, после Хельсинки, Берлина и Петербурга она будто попала в какой-то иной мир, о котором только читала в книгах. И все же это была ее родная страна, та самая Финляндия, поэзию и тысячелетнюю исконную мощь которой превозносили карелианисты и прочие национальные романтики. В символических произведениях Галлен-Каллела она все же более напоминала сказочную страну Парижских галерей, понятную лишь отстраненно модернистски. Но этот пейзаж и это путешествие были чем-то совсем иным, чем-то исконным, почти дохристианским. Санни действительно ощутила собственные корни, которые вросли в придорожные пни и коряги, хворост и наст, в них не было ничего символического. Но они были истиной, эта холодная и темная страна была ее родиной.

В Миккели Санни прочла в газете звание подполковника Мальма: он приглашал «молодых, крепких и смелых» мужчин принять добровольное участие в походе на Беломорскую Каре-

лию. Сбор объявляли в Куопио. Санни зашла узнать подробности во фронтовой штаб Саво, но там полагали, что Мальм отвлекает юношей, жаждущих приключений, от более важных занятий. В феврале Маннергейм издал приказ об освобождении Карелии. А Свинхувуд говорил о захвате Кольского полуострова.

«Какой в этом смысл, когда в руках красных вся южная Финляндия от Турку до Выборга? И Хельсинки», – кипятился дежурный младший офицер.

Санни не могла думать о Хельсинки, она помнила только санный путь из Валкеала в Миккели и решила ехать в Куопио. Она хотела принять участие в чем-то настоящем, но не допускала и мысли о возвращении на юг, даже с оружием в руках. Она не желала мстить, а только штопала дыру, образовавшуюся в отсутствие своего дяди. Военным приключением? Это лучше чем сидеть в Хельсинки, ожидая, когда же пнут в дверь. Дядя не верил в помощь немцу не собирался бежать из Хельсинки. Ходили какие-то слухи, но немцев что-то не было слышно. В Берлине Санни поняла, что если немец что обещает, так точно сделает. А они не обещали. Приходилось выбираться из этого собственными силами, а для этого нужно было убивать.

В Иисалми сели новые пассажиры. В вагоне стало тесновато.

«Железная дорога на Ювяскюля в наших руках!» – кричал высокий прыщавый парень, как будто только что вернулся с захвата этой дороги. Никто ничего не сказал. Дорога. Кого она интересовала! Сейчас путь лежал в Беломорскую Карелию, во исполнение национальной идеи сильных мира сего. Молодежь в военной форме глядела прямо перед собой или дремала, притулившись к плечу соседа.

Санни прочертила расческой понюшку кокаина на поверхности карманного

зеркальца и через трубочку втянула в себя. Парни на нее не смотрели. Просто не решались. Да она и сама не решалась взглянуть на себя, на шрам, отражавшийся в зеркальце. Она кинула взгляд на молодых мужчин, которые сидели в вагоне. Кто-то смотрел в окно, кто-то играл в карты, кто-то читал. В вагоне пахло дешевым табаком и грязными портянками. Парни избегали взгляда Санни, опускали глаза, заметив, что она на них смотрит. Молоденькие мальчики, цыплята, молоко на губах не обсохло, многие наверняка младше ее лет на десять. Неужели она – часть этой команды, одна из них? Одна в этой потерявшей разум стране?

Санни надеялась, что добровольцы Карельского похода будут действительно «крепкие и смелые» мужчины, воины, но эти были школьниками, пацанами, которые едва успели получить фуражку студента. С другой стороны, она сама попала в команду добровольцев только благодаря тому, что в мужской одежде, коротко стриженная, была похожа на мальчика. В Куопио на вербовочном пункте никто ничего не заподозрил, ее определили в первую роту, записали как Сантери Линдхольма и приказали получить на складе оружие и амуницию. Парни в поезде догадались, что она женщина, но ничего не сказали, только поглядывали исподтишка. Пугала ли их женщина в мужской одежде или этот страшный шрам? А может, они просто не видели в ней женщину, по крайней мере, такую, на которую стоило бы смотреть известным образом. Сани была для них слишком старой. Ну, можно было хотя бы сидеть спокойно. Мысленно пролистывать все, что пришлось испытать, вспоминать дядю, попытаться сжать свое горе в туюй комок, который можно выгнать из сердца только через большую боль. А еще – рисовать в

воображении картины приключений в экстремальных условиях, которые могут оказаться реальнее Берлина и Петербурга.

У Санни были с собой рисовальные принадлежности, однако кровавый квадрат накрыл собой все, сделал детали незначительными. Она и не собиралась искать в Беломорской Карелии карелианистских сюжетов, ей просто хотелось пожить настоящей калевальской жизнью, быть солдатом среди солдат, но при этом оставаться женщиной среди мужчин. Разглядывая молоденьких пацанов, она ощутила разочарование. Разве можно вот с этими испытать настоящее упоение боем?

С самого начала пути Санни внимательно прислушивалась к разговору парней. По мнению тех, которые жаждали приключений и, судя по манере разговора, принадлежали к числу образованных, Карелия представлялась местом романтическим, отвечающим идее Великой Финляндии. А те, кто больше походили на крестьян, тихонько переговаривались о том, как бы попасть на такой фронт, где можно обойтись малой кровью. Они были явно стреляные воробьи, и для них было важно не сражаться с соплеменниками.

«Русских побьем, и сразу домой».

«Русских да русских. А разве там не против красных финнов придется драться?»

Санни не участвовала в разговоре, и никто к ней не обращался. У нее было странное чувство, будто она наблюдает за всем происходящим в вагоне, будучи сама невидимой, как-то со стороны, как за пьесой в театре. Она не ведала мотивов героев, о них можно было только догадываться. И все же по старой привычке она разглядывала лица глазом рисовальщика. Молодой человек, сидящий напротив Санни, наверняка был из крестьянской семьи. Его могучие руки

немного по-стариковски лежали на коленях, и весь облик дышал основательностью. Они говорили многозначительно, как старик. По проходу вагона беспокойно разгуливал туда-сюда гладкощекий круглый крепыщ, на правой руке которого Санни заметила кольцо. Женским взглядом Санни оценила кольцо как довольно дорогое. Потомок богатого рода, студент? Явно обручен. Наверняка кольцо – драгоценность, передаваемая по наследству. Может, этот парень вспоминал свою невесту, меряя шагами длину прохода? Он ни с кем не разговаривал, отсутствующий взгляд ни на ком не останавливался, направленный скорей внутрь самого себя. Что привело его в ряды добровольцев, почему он оставил невесту и отправился в северную глухомань? В его облике не чувствовалось воодушевления, скорей нервозность. Может быть, этот парень попросту сбежал, как и Санни? Его возлюбленную изнасиловали, а, возможно, и убили, и парень решил отомстить или поискать лекарство, чтобы заглушить свою боль, хотя бы ценой смерти. Но почему в Беломорскую Карелию, можно было воевать и поближе. А сама Санни, почему она направлялась именно туда? Долгая дорога успокоила разговоры. Было время подумать, и первоначальный энтузиазм потух. Теперь парни переговаривались немного. Все восторженные речи были уже сказаны, пришло время подумать о том, куда же они направляются. Те, которые были знакомы прежде, сидели своим кружком, некоторые оставались в одиночестве, как и Санни. Они ехали на войну, освобождать Карелию.

В Куопио красивый и по-немецки статный егерский лейтенант Паарма воодушевленно вещал о помощи соплеменникам и русском иге, с которым наконец-то будет покончено. Паарма напоминал дядю, колени и икры Санни задрожали, стоило ей взглянуть на

обветренное лицо и массивный подбородок. Во время своей речи егерский лейтенант расхаживал перед строем, похлопывая хлыстом по голенищу. Это жесте тоже было что-то немецкое. Парни слушали с горящими глазами, раскрасневшись. Теперь они пригитили, может, дорога успела навеять грустные мысли? Решительность Санни, напротив, укрепилась.

Она попала не в роту красивого Паарма, а в группу лейтенанта запаса Сиппола, но была и этим довольна, поскольку ее рота отправлялась первой. Она не знала, куда держала путь, знала только, что именно ищет. У нее была винтовка, и она ехала на север. Она была Сангери Линдхольмом, солдатом похода подполковника Карла Вильгельма Мальми.

Санни посмотрела в окно. Группа безоружных людей стояла на платформе под охраной двух солдат в овечьих полушубках. В плазах у них был страх, но никак не угроза. В Миккели Санни слышала о кровавой бане в Варкаусе, которую еще называли лотереей в Хуруслахти. Неужели победители выбирали жертв по жребию? Варкаус был последним гнездом красных на территории белой Финляндии, он пал только две недели назад. Это последние красные, оставшиеся в живых? Они не выглядели угрожающе, но Санни знала, как они ведут себя, получив в руки оружие. Только численное преимущество делает человека храбрым.

Поезд стоял в Иисалми уже второй час. Санни не решалась выйти на улицу, опасаясь отстать от поезда. Парни, не смотря ни на что, спокойно разгуливали по перрону. В вагоне было душно. Санни решила проветриться. Безусловно, она успеет запрыгнуть в вагон, когда к поезду прицепят паровоз. Встав на подножку вагона, Санни спрыгнула вниз, больно подвернув увечную ногу. А чего иного следовало ожидать? Восхищен-

ных взглядов? Калека в мужской одежде со стриженными волосами, да еще свежий красный шрам от виска до подбородка! Санни достала пачку сигарет из внутреннего кармана и закурила. Это были последние папиросы дяди, Санни постеснялась курить их в поезде. Парней наверняка бы удивили дорогие французские папиросы «Gitanes».

«Барышня не угостит папироской?» – напряженно-хриплый голос произнес где-то рядом.

Обернувшись, Санни посмотрела на высокого прыщавого парня с красным лицом, который только моргал, не зная, какое выражение придать своему лицу. Поповский сынок, подумала Санни, и ей стало смешно. С какой стати тут поповский сынок, этот белый воротничок под амуницией, застегнутой на все пуговицы? Да и вовсе не прыщи у него на лице, а оспины. Разве дети пасторов тоже болеют оспой?

Протянув парню пачку папирос, Санни усмехнулась:

– А что, лейтенант уже догадался?

– Хорошие папиросы, спасибо. Да я не знаю. Догадался по жестам.

Парень хотел расспросить, но стеснялся. Санни протянула ему руку:

– Санни Линдхольм из Хельсинки. Пришлось спешно уехать.

Кивнув, парень спросил:

– Красные?

– Да. Такие же, как вон те, только более наглые, – Санни кивнула в сторону пленных.

Пленные неподвижно стояли на перроне, лица у них были красные, а носы белые. Цвета войны. Офицер подошел к одному из охранников и что-то сказал. Солдат крикнул:

– Напра-во!

И группа скрылась за зданием вокзала.

– Откуда ты родом? – спросила Санни.

– Туомас Мякинен, – парень снова покраснел. – Из Ювясколя, на поезде

добрался через Пиексямяки.

– Студент?

– Да. Поступил в Хельсинкский университет прошлой осенью.

За вокзалом раздалась выстрелы. Побледнев, парень застыл на месте. Папироса задрожала в его пальцах.

– Их расстреляли?

– Да, наверное. А что еще с ними делать?

К зданию вокзала подъехали сани, и из-за угла стали выволакивать трупы. Двое мужчин тянули тело за подмышки, и сапоги убитого оставляли в снегу глубокую борозду. После второго или третьего трупа борозда уже не была белой. Солдаты забрасывали убитых в сани. Их ноги торчали из саней, как поленья из воза с дровами. Санни подсчитала трупы. Их было восемь. Это странным образом успокоило ее. Возница зашел внутрь вокзала согреться. С саней текла кровь, и снег вокруг ползьев почернел. Санни смотрела и чувствовала, как боль просыпается в ней, и это было хорошо. Санни жила. Она посмотрела на Туомаса. Его лицо позеленело, и он глядел в землю.

– Пойдем, у меня есть лекарство от этого.

– Лекарство?

– Кокаин. Не пробовал?

Из Каяни длинным караваном двинулись к границе в ярком мартовском свечении. Снег еще лежал, в лесу был плотный наст, который выдерживал людей, дорога была по-настоящему зимней. Обоз, состоящий из десятков повозок, быстро продвигался вперед. Санни казалось странным, что уста пятидесяти мужчин было с собой столько вещей. Туомас, с которым она подружилась, объяснил, что в повозках, помимо провианта, тысячи винтовок для карельских соплеменников.

– Они же не могут воевать с русскими голыми руками.

– А почему ты думаешь, что они вообще хотят воевать?

– Но они же не хотят остаться под властью красных русских. Освободим Карелию, свергнем несправедливость, царившую веками, и финские племена наконец воссоединятся!

Туомас уважительно поправил на рукаве белую с надписью «За Карелию!». У Санни была такая же.

– А мы справимся?

– У нас с собой по крайней мере один станковый пулемет, я видел, как его загрузили в Каяни. Вряд ли у русских есть такой на вооружении, – воодушевленно шепнул Туомас.

Дневной марш оказался длинным, но Санни выдержала. Больная нога сперва мешала передвигаться на лыжах, но постепенно нашла правильный ритм. Русская трехлинейка весила порядочно, но Санни к ней привыкла, тем более что не нужно было тащить на себе тяжелый рюкзак с провизией – он ехал в санях. Погода стояла торжественная, это придавало хотя бы моральные силы. Хотя глаза уставали от яркого солнца конца зимы и слепящего поблескивания наста.

Первую ночь провели в Хюрюнсальми. Местный крестьянин Хейккинен, «Дед мороз», предоставил свой огромный дом для постоя целой роты. Старик напоминал сказочного колдуна, у него была борода, разбегающаяся надвое, и острые глаза, ястребиный взгляд которых покалывали из-под кустистых бровей.

Штаб подполковника Мальма располагался в помещениях второго этажа, рядовые разместились в жилой избе и комнатах первого этажа. Командир роты Сиппола занимался размещением людей и зычно покрикивал. Его команды были грубыми и безотлагательными, однако не походили на офицерские команды. Кто-то объяснил, что Сиппола был строительный мастер по гражданской профессии, поэтому умел на людей

орать и требовать результата, однако в точности не знал армейского устава. С другой стороны, они и были не армейцами, а добровольцами.

Сиппола выглядел каким-то суетливым и вздорным. Он легко принимался спорить и распекать солдат, вместо того чтобы ограничиться точным приказом. Его опухшее лицо наливалось краской, а руками он махал, как вздорная старуха. Его поведение столь явно противоречило его же аккуратной «господской» одежде и аккуратно подстриженным усикам, что выглядел он явно комедийным персонажем. Санни попыталась представить Сиппола в кругу семьи и пожалела его жену.

Мужчины устраивались на ночлег, сон насталих, стоило голове едва коснуться подушки. Санни рассеяно смотрела на бойцов, она впервые видела всю роту целиком. В Куопио присутствовала только половина, большая часть присоединилась к ним Иисальми. В поезде она видела только пассажиров собственного вагона, а при отправлении из Каяни Санни стояла в строю, поэтому и там не могла разглядеть лица своих соратников. А в походе она видела только спины идущих впереди. Теперь она заметила, что большей части бойцов было едва за двадцать, были лица и помоложе, почти школьники. Санни ощутила себя старой и поняла, что ее удел в этом походе – оставаться в одиночестве. Она удивлялась собственной изолированности, тому, что, несмотря на то, что она зафиксировала черты лица этих парней, она оставались для нее безликой массой. Может, общая идея или общий страх делал их всех похожими? Среди бойцов были высокие ребята и плотные ребята, этот спал с открытым ртом, тот надвинул фуражку на глаза. Санни разглядывала их руки, они могли рассказать больше, чем лица, по крайней мере, по рукам можно было отличить крестьянина от

студента, рабочего от бездельника. Но лиц, лиц у них не было, они были просто молоды, и униформа делала их разнокалиберными оловянными солдатами. Лица были у штабных офицерови Томаса, потому что он единственный, кто осмелился заговорить с Санни. Санни прислушивалась к детскому сопению солдат во сне, их похрапыванию и чувствовала себя в безопасности.

Утром продолжили путь через Кухмо по столбовой дороге до самого Раате. До границы дошли за три дня. По мартовскому насту на лыжах добраться можно было бы и побыстрее, однако из-за огромного обоза приходилось ждать, что, по мнению многих, было напрасным промедлением. Мужчины рвались в бой. Наконец-то они приблизились к зоне военных действий. Момент на границе был торжественным.

Санни и Туомас стояли в шеренге со всеми вместе на льду озера Рааттеенярви. Противоположный берег озера был русским, граница проходила прямо по озеру. Естественно, она не была прочерчена на льду, это Сиппола так решил, что она проходит именно здесь. Хором исполнили «Песню карел», хотя здесь, на севере, она выглядела немного нелепо. По мнению Санни, песня относилась к сочным колосющимся нивам Карельского перешейка, яблоневым садам Карелии, Вуоксе и Ладоге. А здесь их ожидала только суровая лесная глушь, но и там, среди густых лесов, затерянные в сопках, были карельские деревни.

Подполковник, невысокий господин с бородкой клинышком, в котором Санни мгновенно распознала профессионального вояку ушедших времен, сказал перед строем пламенную речь об историческом значении момента. В речи чувствовался явный шведский акцент, из-за чего некоторые бойцы деревенского происхождения тихонько посмеивались. Мальм подчеркнул, что в Бело-

морскую Карелию они направляются в качестве просвещенного братского народа, старшего брата, поэтому следует вести себя соответственно:

«Относительно цели нашего похода для членов моего штаба и для бойцов хочу подчеркнуть следующее: мы оказываем карельскому народу моральную поддержку в его стремлении освободиться от российского рабства и присоединиться к Финляндии на основе кровного братства. Помните, что задача этого просветительского и одновременно исторически значимого похода будет полностью выполнена только в том случае, если мы со своей стороны будем бескорыстно преданы требованиям человечности и гуманности. Особого уважения требует религия местного населения и связанные с ней традиции, которые нельзя оскорблять ни в коем случае. Даже малейшее отступление от этого принципа я буду строго наказывать».

После речи Сиппола скомандовал «смирно», и, отдав честь, рота грянула государственный гимн. Через озеро прошли единым фронтом, с поднятым флагом. Мальм возглавлял шествие, а Сиппола выглядел раздасадованно. Санни ожидала чего-то, возможно, выстрелов или хотя какого-то движения на противоположном берегу, но сплошная стена хвойного леса отражала только поскрипывание их сапог по насту, покрывающему лед озера.

²Круунхака – район Хельсинки

В субботу вечером

Антти Туури
Antti Tuuri

Во дворе раздались шаги бегущего, крики. Из-за угла здания выскочил человек, он волок на плече другого. Тот пинал его коленями то в грудь, то в подбородок, бешено колотил кулаками по спине, но удары казались беспомощными, будто он бил мягким шлангом.

– Пойдешь, сука, еще как пойдешь!

Из-за киоска автовокзала стремительно вынырнул светлый пикап, и, подъехав вплотную, резко затормозил. Несущий посторонился, но не остановился. Пикап дал задний ход и вывернул снова капотом в его сторону. В середине двора несущий вдруг изнемог. Второй свалился с его плеча, но, как кошка, упал прямо на ноги и тут же съездил первому по морде. Тот отклонился, но рухнул от пинка в низ живота. Второй побежал к дороге, первый с трудом встал, ринулся за ним. Скоро они вернулись, один за другим. Первый беспрядочно махал кулаками, второй пятился, пытаясь прикрыть голову. Когда первый стал размахивать кулаками слишком близко, то снова получил кулаком в лицо. Из носа по рубашке и по пиджаку потекла кровь. Лицо его будто выкрасили, но очень небрежно. Он сделал отвлекающее движение, будто борец перед захватом за пояс, второй в борьбе был несведущ и поднял в защиту руки. Первый тут же его ухватил, взвалил на плечо и понес.

– Пойдешь как миленький!

Второй орал с плеча что-то нечленораздельное, видимо, сидящим в пикапе.

– А то меня полиция загребет, – сказал первый.

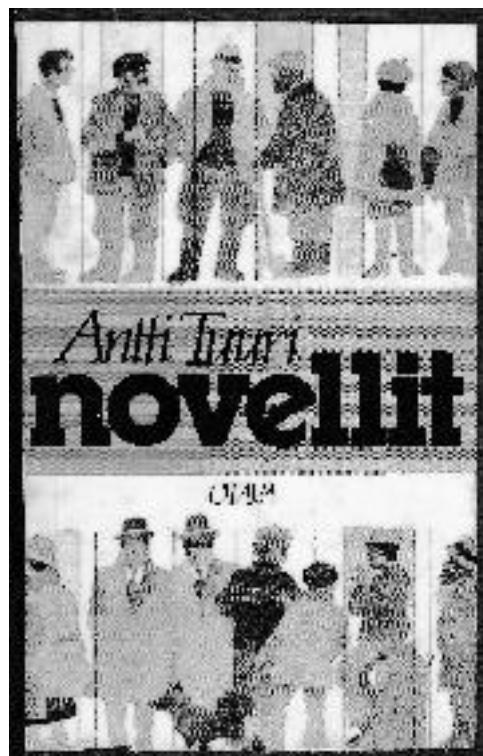
У него из носа хлестала кровь. Он

отерся пригоршней и вытер с нее кровь о штаны и пиджак висящего у него на плече. Пикап ехал прямо на них. Пришлось сбросить мужика с плеча. Оказавшись на земле, тот снова двинул по морде. Пикап вклинился между ними, с одной стороны открылась дверца, второй сел в машину. Пикап быстро уехал, первый остался стоять, глядя ему вслед.

– Я ваш номер запомнил, уроды! – закричал он. Из-за угла вышли двое полицейских, подошли почти вплотную.

– У меня все в порядке.

– Шел бы ты домой спать, – сказали полицейские.

– А если не пойду? Что мне будет?
– Ничего не будет, во дворе только не болтайся.

– И рожу сполюсни.

Мужчина потряс головой, запустил пальцы в волосы.

– Голова полна песка.

– И не только песка, – заметили полицейские.

– Это верно.

– Прикинь. На тебе и так условный срок висит. Если мы тебя сейчас заберем, то тебе точно тюрьма грозит.

– Да забирайте, забирайте к чертям собачьим, – заорал мужики вытянул вперед руки для наручников.

– Иди давай отсюда, приведи себя в порядок.

Полицейские обогнули здание и пошли к дороге. Мужик направился в нашу сторону, к веранде. Это был всем известный Эркку.

– Видели? – спросил он, поднялся по лестнице и сел за столик.

– Да видели мы, как тебя отделали, – сказал Олли.

– Какого хрена не помогли? Вместе мы бы и тех, в пикапе, отметили.

Он вошел в кафе. Мы остались на веранде, пили разбавленную водку. Олли из своей бутылки подлил в стаканы, и водка стала горькой. Горькая, теплая водка. Эркку вышел из кафе, сел за стол. Он вымыл лицо, рубашка и пиджак были спереди мокрые, он, видно, их оттирал, внизу на белой рубашке остались бледные подтеки.

– Хорошо я ему наподдал!

– Ну не знаю, мы видели только как тебя отколошматили. Ты его тащишь, а он пинается. А когда ты его бросил, он как тебе заедет по морде, – сказала.

– Отсюда просто плохо видно.

– Достаточно хорошо.

– Я ему таму дороги как следует врезал, поймал и наcostылял. Я его за склад волок, а то у меня и так условный срок.

– Это что у вас тут? – он отпил из одного стакана.

– Полегче ты, больше нет, – сказал Олли.

– Я вам могу бутылку продать, – предложил он.

– Давай, а то эта кончается, – сказал Олли.

– Идет.

– Сколько?

– Двадцатка, – сказал Эркку. – Мне ведь надо на что-то жить.

– У тебя что? – спросила.

– Коскенкорва.

– Дрянь, – сказал Олли.

– Ну не берите. Я не навязываю.

– Да ладно, возьмем, – сказала.

– Вот это другое дело.

Допили, встали, спустились по лестнице во двор, мимо киоска автовокзала и цистерн с бензином прошли за склад. Эркку вытащил откуда-то из-под хлама бутылку. Продемонстрировал, что она не распечатана, отер грязь. Олли вынул из кармана деньги, стал пересчитывать, кушоры и мелочь.

Эркку открыл бутылку и отпил.

– Продавцу полагается, – сказал он.

– Хрен с тобой, – сказал Олли. Он прикинул, сколько тот отпил – несколько сантиметром. Глотнули отдали нам. Теплая Коскенкорва смахивала на скипидар. Олли взял бутылку, засунул за пояс под рубашку. Пошли назад через двор, снова поднялись на веранду, сели за стол. Взяли бутылку лимонада. Олли вынул первую бутылку, разлил остатки по стаканам.

– И мне, – попросил Эркку.

– Ну уж нет, хватит! Взял двадцатку и еще дармовой выпивки захотел, – сказал Олли. – Иди отсюда.

Эркку выгреб деньги, стал совать их Олли в карман. Мелочь рассыпалась по полу. Эркку все повторял:

– Бери, бери.

– Не возьму, все уже, бутылка куплена.

– Забирай свои денежки, а бутылку отдай.

– Правда, пусть забирает, раз хочет отдать двадцать марок за неполную бутылку, – сказала.

– Шутка, – сказал Эркку, подобрал с пола деньги, запихал в карман, встал и вошел в кафе. Дверь он оставил открытой. Олли сходил закрыл ее, вернулся и разлил водку по стаканам.

Выпили и пошли через двор на другую сторону дома. На дороге никого не было, все автобусы на танцы уже уехали. В кафе народ сидел только в первом зале.

– Смотри в окно, жди, когда Вейкко придет, – скал Олли.

– На такси поедем? – Я сел кокну. Скуро подошел Олли с бутылкой. Потом сходил за стаканами, налил. Я сидел, смотрел на дорогу.

– Прекратите здесь распивать! – крикнула девушка от прилавка.

– Да ладно тебе, Креета!

– Прекратите, вам тут не рюмочная!

– Не ори, – крикнул Олли.

– Сейчас полицию вызову.

– Да мы скоро уйдем, – сказала.

– А мне-то что!

– Вот Вейкко придет, и мы уйдем.

Вейкко как раз подъезжал к перекрестку, ехал он быстро, на перекрестке резко затормозил и свернул во двор к торцу дома, скрылся за изгородью из боярышника. Мы вышли, перешли дорогу и вошли в его двор. Он как раз выходил из машины.

– Вейкко! – крикнул я.

– Что вам, парни?

– Не бросай нас, Вейкко, – крикнул Олли.

– Нив коем случае.

– Мы на танцы, отвезешь? – сказала.

– Ну садитесь, заразы!

Мы с Олли сели на заднее сиденье, Вейкко – за руль.

– У меня две бутылки и бутылка лимонада, – сказал Олли.

– Давай разолью.

– Вы тут в машине не надрызгайте, – сказал Вейкко с переднего сиденья.

– Дай сигарету, – сказал Олли.

– И мне.

– Свои надо иметь.

– Забыли купить, – сказала.

Вейкко вытащил сигареты и протянул нам.

Олли дал мне обе бутылки. Одна полная или почти полная водки, вторая пустая.

– Подержи лимонад, – сказала.

– Если машину мне загадите, всю жизнь на лекарства работать будете, – сказал Вейкко.

– Папочка, ты езжай медленно, а мамочка пока процедит водочку в другую бутылочку, – сказал Олли.

– Я, блин, столько лет химию долбил, уж как-нибудь в бутылку-то попаду, – сказала.

Я начал лить. Время от времени сравнивал, поровну ли в бутылках. Работа требовала высокой точности. Под конец налил слишком много, пришлось переливать обратно. Олли дал мне лимонад, я его тоже разлил – половину в одну, половину в другую бутылку.

– Что вы тут дрызготню устроили, – сказал Вейкко.

– Так меньше убытков, если погорим, – сказал Олли.

– Да там не ловят, – сказал Вейкко.

– Кто их знает, – сказала.

– Вы оба уже и так хороши.

Приехали к танцплощадке. Вейкко въехал во двор и встал уворот.

– Семь марок.

– Давай в долг, в пятницу отдадим, – сказал Олли.

– Не могу.

– Да ладно тебе, дай.

– Иу тебя нет?

– У меня есть, – сказала.

– Ну ты тогда и плати.

– Сколько?

– Я же говорю семь марок. Будешь долго раскачиваться, еще и за простой накину.

– Ты нас подождешь? – спросил Олли.

– Заплатите?

– Да, да, – сказала и вытащил бумажник из заднего кармана штанов. Вынул десятку и протянул Олли на переднее сиденье. Он дал три марки сдачи, вынул из бокового кармана пиджака горсть монет и отделил три марки, остальные положил снова в карман.

– Будьте любезны, господа. Приятного вам вечера. Он со своего сиденья открыл заднюю дверцу, ради нас не стал выходить из машины.

– Благодарим за доставку, – сказал я и вылез.

Олли полез тоже с моей стороны, но не рассчитал, сиденье кончилось, и он вывалился из машины вниз головой. Я его поднял. Он стал отряхивать с колен песок.

– Бутылку-то не разбей, – сказал я. Машина уехала.

– Не разобью.

Подошли к кассе. Кобеим кассам была очередь. Мы встали в ту, что была короче. Наконец подошла наша очередь, мы взяли билеты. Вошли в калитку.

– Как дела, ребята? – спросил билетный контролер.

Танцы были на большой крытой танцплощадке, по правую сторону от ворот, на берегу озера. Вошли. Народу было еще немного. Стали смотреть, как играет оркестр. Потом поднялись по лестнице в ресторан.

– Сигарет купи, – крикнул я из-за столика.

– Куплю, но только себе.

– А за такси кто платил?

Он вернулся, поставил передо мной бутылку пива. Я налил полстакана. Он предложил сигарету, потом вынул бутылку, она была у него в заднем кармане брюк под пиджаком. Налил и быстро

спрятал бутылку обратно. По лестнице поднимался полицейский.

– Смотрите у меня, – сказал полицейский.

– Да мы ничего, – сказал Олли.

– Держите бутылки при себе, а то на землю вылью.

– Неужели ты такой гад, что выльешь?

– А что мне еще остается.

– Ну, не думаю.

Полицейский подошел к прилавку, взял сосисок. Внизу оркестр играл танго. Отпили из стаканов – гадость изрядная. Когда стаканы опустились, пошли вниз. Народу прибавилось, уже танцевали. Оркестранты были в одинаковой форме, у нагрудного кармана у всех была какая-то круглая нашивка, их эмблема, наверное. Когда музыка смолкла, все разделились на две толпы – женщины слева, мужчины справа. Заиграли танго, и пришлось поспешить, чтобы не путаться под ногами. Я кому-то поклонился и провел сквозь толпу на середину танцплощадки. Начали танцевать, и я почувствовал, как хорошо она двигается, маленькая женщина, достаточно было ее одним пальцем направлять. Когда танго закончилось, остались ждать следующего танца. Потом я отвел девушку обратно, примерно туда, где взял.

– Спасибо.

– Спасибо, – сказала она.

Я прошел через зал на сторону мужчин. Все стояли тесной толпой.

Подошел к двери на улицу.

– Пойдем, выпьем, – сказал Олли.

– Уйдем отсюда.

Мы вышли на улицу, поднялись на поросшую соснами горку за танцплощадкой. Стояли и смотрели, как на танцплощадке горят огни, играет оркестр, как движутся танцующие. Я вынул из внутреннего кармана пиджака бутылку.

– Давай теперь из этой.

– Ладно. – Он взял бутылку, открыл, начал пить, потом передал мне. Я выпил.

Теплая водка, подслащенная лимонадом.

– Слабоватая, – сказал я.

– И крепкая, и слабая, – сказал Олли

– Давай допьем, не надо будет таскать.

Я дал ему бутылку, он стал пить, потом пил я, потом снова он, а я допил. Он оперся рукой о сосну и начал блевать, не один литр выблевал. Я отвернулся, но все равно слышал эти отвратительные звуки. У меня тоже в животе все перевернулось, я стал глубоко дышать, чтобы не стошнило. Когда он кончил, я подошел, вынул из его кармана пачку сигарет, закурил и ему дал.

– Ах, мать твою, – сказал он.

– Хороший хмель по лесу размазал, – сказала.

– У меня в кармане еще полбутылки осталось.

– Да где тебе.

Отошли, закурили.

– Протрезвел?

– Да, протрезвел.

Докурили и пошли назад. Поднялись по лестнице. Внутри все столики были заняты, на уличной террасе тоже было полно народу.

– Дай денег, пива куплю, – сказал Олли.

Я покопался в карманах, нашел деньги.

– Иди вон туда на улицу, но не свались, – сказал он.

– Это я-то? Еще чего! Кто тут только что блевал, а?

– Ладно, иди.

Я переступил через какой-то странный порог и вышел на террасу. Везде людские рожи. Места только за дальними столиками.

– Здесь свободно? Нас двое, – сказала сидящим за столиком. Они захихикали, девчонки какие-то.

– Садись, свободно.

Стулузкий, неудобный, стол заставлен пустыми бутылками и стаканами.

– Как это ты так далеко забрался, чуть

за ворота не вылетел, – сказал подошедший Олли.

– Нет, я за ворота ни за что, тут столько красивых женщин.

– Да он уже лыка не вяжет, – сказал Олли девушкам.

– Врет он все.

– Сигарету не хочешь?

– Хочу, – сказала.

– А пива?

– С удовольствием. Всего хочу, особенно губ девичьих.

– Ну на это сегодня не рассчитывай, – сказал Олли.

– Ты неправ.

Он рассмеялся, налил в стакан крепкого пива и поставил передо мной. Я попросил плеснуть из его бутылки. Он налил в другой стакан водки. Я глотнул и запил пивом. Во рту остался вкус пива. Сидели, пили. Олли о чем-то болтал с девушками. Я отошел и сел сбоку, откинул голову к стене.

– Засыпаешь? – спросил Олли

– А ты как думал, – сказал я. Он сразу повел меня за руку в лес. Сначала круто вниз под гору, здесь он так крепко держал меня под мышки, что было больно. На ровном месте он меня вел. Вошли в сосновый бор и пошли вверх по склону. Олли меня куда-то посадил.

– Спи тут спокойно.

– Ты за мной точно придешь, когда танцы кончатся?

– Обязательно.

Он пошел назад, и я видел, как от света на танцплощадке его окружало сияние. Между стволами сосен было просторно, а в вышине темные кроны сливались. Они становились все гуще и в конце концов заслонили мне свет. Я лежал в полной темноте. Спал.

АТ

Перевод с финского: Галина Пронина

Светлана Ляшенко***Они познакомились
в Париже...***

Жизнь и творчество русской
художницы
Е. П. Самокиш-Судковской

В 1870 году столица Великого княжества Финляндского, Гельсингфорс, была соединена железнодорожной веткой с городом Санкт-Петербургом. Появились новые возможности для дальнейшего развития отношений в разных областях между двумя странами. Заметный импульс был дан для установления контактов в культурной сфере: финляндские художники стали бывать не только в крупных городах Европы, но и посещать столицу России, в результате чего наладились достаточно тесные связи с Императорской Академией художеств. Значительным событием стало открытие музея Агенеум, который на тот момент располагал коллекцией из восемнадцати картин, подаренных Императором Николаем II Обществу художников Финляндии. Первые годы в том же здании, где размещался музей, работала Рисовальная школа, которую посещали и некоторые русские художники. Одной из первых учениц Гельсингфорской рисовальной школы стала Елена Петровна Судковская (урожденная Бенард). Быстро добиваясь успехов и подавая большие надежды, она была хорошо известна в художественных кругах России и Финляндии.

Елена Бенард родилась в 1862 году в Санкт-Петербурге в семье военного инженера. Образование получила в Павловском институте благородных девиц. В 1883 году она вышла замуж за академика живописи, художника-мариниста Р. Г. Судковского. Через год в семье родилась девочка, которую называли Маргаритой. Но жизнь распорядилась по-своему: в 1885 году Судковский в возрасте 34 лет умирает от тифа. Молодая вдова, совместно с друзьями-художниками, организует по смертную выставку в залах Академии и становится автором памятника на могиле мужа. Справившись с горем, художница едет в Гельсингфорс, а затем в Париж для даль-

нейшего повышения своего мастерства.

В это же время во Франции находился пенсионер Санкт-петербургской Императорской академии художеств – живописец-баталист Николай Самокиш. Именно с ним Е. П. Судковская свяжет свою дальнейшую жизнь и творчество.

Таким образом, они познакомились в Париже, который в те годы был центром культурной жизни Европы. Новые течения и направления в искусстве, характерные для того времени, наложили особый отпечаток на творчество русских ху-

дожников. Время пребывания их за границей совпало с возникновением и развитием нового художественного направления – импрессионизма. Они были увлечены творчеством К. Моне, О. Ренуара, Э. Дега и других мастеров, которые стремились запечатлеть мир в его подвижности и изменчивости. Самокиш посещал частную студию Коларосси, где изучал технику пленэрной живописи, и, что интересно отметить, в это же время там учился Альфонс Муха – в будущем один из известных художников эпохи

модерна. Посещал Муха и академию Жюлиана, в которой училась Елена Судковская, восторженно воспринявшая работы архитекторов и живописцев, творивших в новом стиле. Не исключено, что она имела возможность познакомиться с чешским художником и его ранними работами. Во всяком случае, модерн займет не последнее место в ее творчестве, так же как и Париж, который произвел сильное впечатление на нее и ее будущего мужа, оставив самые приятные воспоминания на всю жизнь.

Позже Самокиш в своих мемуарах пишет: «... Незаметно пролетели четыре года моего пребывания за границей, пора было возвращаться в Петербург, в Россию... все было сделано, и я... уехал из прекрасного Парижа и, признаюсь, очень неохотно. Понравился мне Париж очень и тамошняя жизнь художников, и Салоны... кафе, бульвары – все это живо запечатлелось в моей памяти, и я с сожалением покидал этот город и Францию...».

Вернувшись в Россию, молодые художники поженились. Елена Петровна Самокиш-Судковская занималась иллюстрационной работой: ее рисунки, отличающиеся художественной соразмерностью и оригинальностью, украшали многие женские романы и детскую литературу тех лет. Весь читающий Петербург восхищался созданными ею образами юных, возвышенных и благородных девушек к романам известных в те годы писательниц: Веры Новицкой, Елизаветы Кондрашовой, Лидии Чарской. С особым интересом работала художница над иллюстрациями к романам, повествующим о жизни, взрослении и переживаниях учениц Павловского института, которых ласково называли «павлушками», так как сама была выпускницей этого учебного заведения.

Художница входила в Кружок русских

акварелистов, основанный в 1880 году и активно работавший на протяжении многих лет. Также она была членом Первого Дамского художественного кружка, возникшего в 1882 году по инициативе художницы-пейзажистки, почетного вольного общника Академии художеств – Пелагеи Петровны Куриар. Кружок объединял женщин-художниц и скульпторов – «любительниц искусств, принадлежащих к высшему свету». Главной целью работы кружка была благотворительная деятельность: оказывать помощь нуждающимся художникам и их семьям. Дамами велась активная выставочная деятельность. Одно время выставки проводились в помещении Императорского Общества Поощрения Художеств. В этом же здании находилась Рис овальная школа, в которой академик Н. С. Самокиш преподавал рисунок пером. Он, конечно, посещал эти выставки и, скорее всего, по просьбе жены, принимал участие в их организации. По инициативе членов кружка, выпускались альбомы с работами известных художников.

Оформлению печатных изданий на рубеже веков уделялось большое внимание: книги и журналы украшались множеством цветных иллюстраций. Издательства приглашали для сотрудничества лучших мастеров. Как знатоки иллюстрирования книжной продукции особой популярностью пользовались Н. С. Самокиш и Е. П. Самокиш-Судковская. Их были рады видеть в ведущих издательствах того времени: в Экспедиции заготовления Государственных бумаг и в редакции книгоиздательства А. Ф. Маркса, в изданиях А. Ф. Девриена и картографического заведения А. Ильина, а также у А. Фельтена и в «Товариществе Р. Голике и А. Вильборг». Их хорошо знали в издательстве П. П. Сойкина. Русский книгоиздатель Петр Петрович Сойкин посвящал немалое внимание естествен-

но-научной литературе, поэтому именно его издательство в 1894 году начинает печатать иллюстрированный альбом очерков и картин «По Белу-Свету. Путешествия Доктора А. В. Елисеева по трем частям Старого света» в 4-х томах.

На страницах журнала «LiteraruS» читатели уже «путешествовали» с доктором Елисеевым по Финляндии. Все рассказы путешественника о Скандинавских странах обильно украшают замечательные графические рисунки Е. П. Самокиш-Судковской. Вполне вероятно, что ей помогал муж, так как некоторые работы подписаны его рукой (ему в этом издании, в основном, принадлежат иллюстрации к рассказам об Индии, Персии и Эфиопии).

На рубеже веков Н. С. Самокиш также занимался оформлением многих печатных изданий. Он много работал для Военного ведомства, к которому был прикреплен еще в студенческие годы для зарисовок маневров по рекомендации Президента Академии Великого князя Владимира Александровича. Рисунки к изданиям по истории полков и книгам на историческую и военную тематику, в основном, юбилейные, займут особое место в его творчестве.

В 1899 году в Санкт-Петербурге вышло в свет подарочное издание «Коронационный сборник 14 мая 1896 года» в двух томах «с иллюстрациями художников Н. С. Самокиша, Е. П. Самокиш-Судковской и С. И. Васильковского в тексте и на отдельных листах с приложениями воспроизведений с оригиналов: А. Бенуа, В. Васнецова, К. Лебедева, В. Маковского, И. Репина, А. Рябушкина и В. Серова», – как указано на шмуц-титule альбома. Это был большой государственный заказ. Решение издать такой сборник было принято после завершения торжеств и праздничных мероприятий, проводившихся во время

коронации императора Николая II и его супруги Александры Федоровны в Москве. Запечатлеть это событие было поручено лучшим художникам и фотографам того времени. Присутствовала на коронации и чета Самокишей: Николай Семенович – от Академии художеств, Елена Петровна представляла журнал «Нива».

Оформление и украшение Коронационного сборника, в том числе переплетов, было возложено на Самокиша. К художнику обратились неслучайно: он был лично знаком с императорской семьей и пользовался большим уважением при царском дворе. Известными графическими работами мастера на тот момент были рисунки к изданиям, связанным с событиями императорского Дома Романовых – иллюстрированный альбом «23 тысячи миль на яхте «Тамара»» (описание путешествия великих князей Александра и Сергея Михайловичей в начале 1890-х годов, составленное Г. И. Радде) и первые два тома издания генерала Н. И. Кутепова, который в те годы заведовал хозяйством Императорской охоты, «Великокняжеская и царская охота на Руси» (1896–1898), осуществленное в память об императоре Александре III («По его царственному желанию начатый, по его мысли исполненный», – уточнял Кутепов во вступительной статье).

Объединительным моментом в творчестве художников была работа в уже названном журнале «Нива» – самом известном и распространенном в России в конце XIX – начале XX века (еженедельный литературный журнал для семейного чтения выходил в России с 1869 по 1918 в книгоиздательстве А. Ф. Маркса). На протяжении более двух десятилетий работы Самокиша и Самокиш-Судковской появлялись на страницах этого журнала. Тематика их была самая разнообразная. Оформление

рождественских и пасхальных номеров «Нивы» не обходилось без участия Елены Петровны. Ее оригинальные рисунки часто украшали титульные листы журнала, а в конце года – календари, создаваемые редакцией для читателей. Также редакция журнала ежемесячно печатала бесплатные приложения: литературные произведения русских и иностранных авторов с множественными иллюстрациями, выполнение которых часто поручалось художнице. Она делала рисунки к произведениям Н. С. Лескова, А. Ф. Кони и других писателей.

Наиболее известными и удачными рисунками ее мужа для «Нивы» являются композиции, сделанные на тему войны 1812 года. В 1912 году (по случаю столетнего юбилея Отечественной войны) во множестве появились батальные сцены Самокиша, исполненные пером. «В этой серии он проявил все свое мастерство своеобразной техники рисования пером и показал себя как большой знаток истории эпохи войны 1812 года» (цитата из воспоминаний художника, книжного графика Н. Кузьмина). В 1904 году по заданию журнала «Нива» он в качестве художника-корреспондента ездил на фронт Русско-японской войны. Пером и тушью мастер создал серию батальных графических рисунков, которые журнал регулярно печатал в своих номерах.

Следующая совместная работа иллюстраторов была выполнена по заказу книгоиздателя А. Ф. Маркса, который в 1900 году открыл в Санкт-Петербурге новую типографию, оснащенную современным оборудованием, позволяющим обеспечить высокое качество полиграфической печати. Одним из первых образцов продукции нового заведения стало иллюстрированное издание «Полождения Чичикова, или мертвые души» Н. В. Гоголя. Над оформлением этого издания трудились двенадцать ху-

дожников, которых объединял и вдохновлял интерес к наследию русской литературы.

Немало иллюстраций в тексте принадлежит Е. П. Самокиш-Судковской. Ею созданы жанровые сцены, передающие атмосферу, царящую в имениях русских помещиков в начале XIX века, описанную Гоголем. Мы, конечно не будем перечислять все рисунки, назовем лишь некоторые: «Губернатор вышивает по тюлю», «Губернаторша знакомит Чичикова с дочерью», «Провинциальная дама едет с визитом» и другие. Исторически достоверно изображены одежда, прически людей того времени, интерьеры, фрагменты городских пейзажей. Самокиш для этого издания подготовил семнадцать заглавных букв, открывающих главы. Каждая буква представляет собой отдельный графический рисунок, выполненный с бесспорным мастерством и фантазией. Буквы очень необычны и стилистически не образуют единого ряда. Сегодня трудно сказать, по какому принципу их украшал художник. Очевидно, такого оформления требовали время и мода. Но не исключено, что определенное влияние оказывало творчество Елены Петровны – большой поклонницы модерна.

В 1902 году внимание читателей привлекло издание «Конец горбунок» – сказка Петра Ершова. Над иллюстрациями работала Самокиш-Судковская. Рисунки художницы, обильно украшающие и сопровождающие рассказ, выполнены в русском народном стиле. Интересно переданы одежда и утварь с отпечатком старины. Образы героев сказки, воплощенные на бумаге, получились очень выразительные и заслуженно пользовались популярностью у современников. Так как полноправными героями сказки являются кони, можно предположить, что Самокиш, известный как опытный анималист и непрев-

зойденный «лошадник», был консультантом у жены в вопросах изображения этих замечательных животных.

Обращаясь сегодня к изданиям, над оформлением которых работали Самокиши Самокиш-Судковская, можно отметить явное взаимовлияние двух талантливых художников. Несмотря на столь изначально разные сферы художественной деятельности, они творили в тесном контакте, создавая уникальные произведения. Совместное творчество принесло им славу книжных оформителей как в России, так и за рубежом. В 1914 году на Международной выставке печатного дела и графики в Лейпциге мастерство художников было отмечено высокой оценкой. «Великокняжеская и царская охота на Руси» и «Коронационный сборник 14 мая 1896 года», представленные в разделе «Современная иллюстрированная книга», были признаны как высокохудожественные произведения книжного искусства, став гордостью русского отдела. Визуэтки, концовки и заставки в исполнении Самокиша были выделены в разделе «Работы художников-графиков в репродукции» и также были высоко оценены. На выставке привлекло внимание еще одно издание – «Евгений Онегин» А. С. Пушкина с иллюстрациями Е. П. Самокиш-Судковской. Изящные, с элементами модерна, удачно решенные колористически и композиционно, акварельные рисунки художницы прекрасно передали особенности эпохи и романтические нотки в поэме Пушкина.

В своем совместном наследии художники оставили не только замечательные книжные издания. В начале XX века они выполнили монументальные живописные картины-панно, украшающие зал ожидания для пассажиров 1 и 2 классов, расположенного на втором этаже Витебского железнодорожного вокзала в

Санкт-Петербурге. Художники осуществили задумку архитекторов: введение в оформление интерьера картинной росписи стен. Пять десюдепортов (панно, расположенных над дверными проемами) на одной из стен зала отражают историю Царскосельской железной дороги. Четыре живописные монументальные работы выполнены Самокишем и представляют собой жанровые сцены на станциях железной дороги в Петербурге и Царском селе в разные периоды времени: «Станция Царскосельской ж. д. в С.-Петербурге. 1837», «Первый проезд Императора Николая I по Царскосельской ж. д. 1837», «Станция Царскосельской ж. д. в С.-Петербурге. 1900», «Станция Царскосельской ж. д. в Царском селе. 1902». Отличительной чертой этих работ является то, что на всех четырех картинах присутствует изображение лошади. Художник «разместил» этих замечательных животных на стене зала ожидания железнодорожного вокзала, словно напоминая, сколь тесно были связаны человек и лошадь и что основным оставался гужевой транспорт.

Самокиш-Судковской принадлежит живописное панно «Павловский вокзал Царскосельской ж. д. Двадцатипятилетие. 30 октября 1862 год», отражающее одно интересное начинание в русской культуре: проведение концертов и танцевальных вечеров на конечной железнодорожной станции в городе Павловске. С 1856 по 1865 гг. в здании Павловского вокзала проходили концерты знаменитого музыканта и композитора Иоганна Штрауса. Эти мероприятия проводились для привлечения пассажиров, которые первое время не очень охотно пользовались услугами поездов, предпочитая конный транспорт. С легкостью и присутствием ей изяществом, изобразила художница здание вокзала, светящееся огнями, и собирающуюся на концерт нарядную публику, достоверно передав костю-

мы, платья и аксессуары того времени.

Стенная живопись, выполненная мастерами более стает назад, хорошо сохранилась и до сих пор украшает интерьеры Витебского вокзала. Росписи представляют интерес как для исследователей творчества художников, таки специалистов, изучающих историю города Санкт-Петербурга.

Творческий и семейный союз художников продлилась почти тридцать лет, оставив яркий след в русской художественной культуре. От роскошных иллюстраций Н. С. Самокиша и Е. П. Самокиш-Судковской печатное искусство шагнуло к книжной графике И. Я. Билибина и других художников «Мира искусств». Имена Елены Петровны и ее мужа были внесены в почетную книгу «Россия в ее прошлом и настоящем. 1613 – 1913» (раздел «Русская школа живописи»). Изданная в рамках празднования 300-летия Дома Романовых, она включала в себя фотографии и сведения об известных людях, прославивших своим трудом Россию в разных сферах.

Несколько слов надо сказать о дочери Елены Петровны – художнице Маргарите Руфимовне Судковской (в замужестве – Лагранж-Судковской). Она росла и воспитывалась в творческой атмосфере семьи, с детства проявляла интерес к живописи и была знакома со многими деятелями искусств того времени. В 1906 году известный русский художник Б. М. Кустодиев написал портрет Маргариты («Дама в голубом»), который сегодня часто принимают за портрет ее матери.

События 1917 года в России не прошли бесследно для семьи художников. Погиб на фронте муж Маргариты – Владимир Лагранж, в 1924 году не стало Елены Петровны. Где умерла художница, точно

неизвестно. Некоторые источники называют Париж, а последние материалы исследований называют город Выборг, входивший в те годы в состав Финляндии.

Маргарита с двумя сыновьями некоторое время жила в Крыму. По возможности ей помогал отчим – Николай Семенович Самокиш, также оказавшийся в Крыму и переживший Гражданскую войну на полуострове.

Со временем Маргарита переехала в Москву (там и сегодня живут ее потомки). Николай Семенович остался в Сим-

ферополе, продолжая вести активную творческую и художественно-педагогическую деятельность.

Так закончилась жизнь талантливой художницы Елены Петровны Самокиш-Судковской и завершился «серебряный век» творческого союза двух известных иллюстраторов рубежа веков – Самокиша и Самокиш-Судковской.

С.-Петербург

Иллюстрации:

Н. С. Самокиш.
Выезд к устью реки
Тисмянницы великих
князей
Черниговских,
Галицких и
Вольнских.
Иллюстрация
очерков
«Великокняжеская и
царская охота на
Руси» Н. И. Кутепова.
1898.

Н. С. Самокиш.
Фотография. 1904

Б. М. Кустодиев
«Дама в голубом»
(портрет М. Р.
Судковской). 1906.

Е. П. Самокиш-
Судковская.
Иллюстрация к
изданию «Евгений
Онегин» А. С.
Пушкина. 1911

Фото: Надежда Матвеева

Народное искусство и литература

Научно-практический семинар,
который ежегодно проводит
журнал *LiteraruS*,
прошел 18–19 марта 2015 года
при участии
Института мировой культуры
Хельсинкского университета.

В приветственном слове доцент Хельсинкского университета Арто Луукканен подчеркнул, что с выходом первого номера *LiteraruS* в марте 2003 года проведение совместных ежегодных семинаров журнала и Института мировой культуры Хельсинкского университета – это уже сложившаяся традиция.

С докладами выступили исследователи из Финляндии, Польши и России. Предметом обсуждения стали фольклорные традиции в музыке, песенном творчестве, декоративно-прикладном искусстве, литературе, а также сохранение фольклорных традиций сегодня и отношение к ним в разные периоды истории.

Московский поэт и критик **Борис Колымагин** в докладе «**Во граде было в Иерусалиме...**» проследил историю возникновения духовных стихов, песни былин, которые создавали безымянные странники, калики перехожие. Неизвестного слагателя народных стихов можно

считать первопоэтом Православного текста. Создаваемые безымянными сказителями произведения способствовали духовному образованию народа. Вероятно, именно поэтому, по мысли автора, между слагателями и исполнителями духовных стихов, с одной стороны, и институциональной церковью – с другой, никогда не возникало серьезных конфликтов.

Тема доклада профессора Петрозаводской государственной консерватории им. А.К. Глазунова **Ирины Горной** была «Поэзия сборника «Кантелетар» в творчестве композиторов Финляндии и России». Сборник лирической поэзии «Кантелетар, или Старинные песни и баллады финского народа», созданный Лённротом в 1840 г., также как и «Калевала», стал эстетическим ориентиром для всех областей художественного творчества. Песни на тексты из «Кантелетар» написали А. Ярнефельт, О. Мерианто, Э. Линко, Э. Марвиа, Х. Клеметти (8 песен), Э. Кауппи (7 песен), В. Луолайян-Миккола (триптих, 1942). Бесспорной кульминацией «калеваль-

ского ренессанса» оказался масштабный (из 64 песен) «Кантелетар» (1948–1950) Килпинена. Фольклор, его самобытная стилистика послужили толчком для целого ряда сочинений: симфонии-кантаты «Кантелетар» для сопрано, баритона и симфонического оркестра Эдуарда Паглаенко, камерного цикла Петра Козинского «Песни из “Кантелетар”» для меццо-сопрано, баритона, альтовой флейты и фагота, «Калевальских песен» для женского голоса с фортепиано Владимира Угрюмова.

Исследователь кафедры музыковедения Хельсинкского университета **Светлана Тойвакка** в докладе «Свадебный обряд у русских» рассказала об особенностях русской свадьбы и ее обрядовой последовательности. Свадьбы обширно справлялись после Покрова Божьей Матери (14 октября, когда «каждый воробей может жениться»), взимный период после Рождества Христова до Великого Поста, а затем после Пасхи в весенний и летний период с учётом того, чтобы день свадьбы не совпадал с

Фото: Кирилл Резник

Петровскими Успенским Постом, да и вообще с постными днями. Свадебный северорусский обряд состоит из определенных важных церемоний: 1. *Сватовство*; 2. *Подготовка к браку*; 3.

Накануне дня венчания; 4. *Свадьба*. 5. Следующий день после свадьбы. Лица, участвовавшие в свадьбе, это *свахы и дружка*. Свадьбу сороваждают свадебные песни, одну из которых докладчик исполнила в качестве примера.

Д-р философии кафедры этнографии Хельсинкского университета **Вера Сурво** посвятила свое выступление прикладному искусству: «**Традиционная вышивка Карелии: образы, семантика, обрядовый контекст**» и рассмотрела региональную специфику в декоре текстиля, сравнив вышивку карел, вепсов и северных русских. Автор доказала, что можно говорить о своеобразном «вращении» финно-угорской орнаментальной традиции в контексты севернорусского декоративного искусства, с сохранением отличительных особенностей. В орнаменте вышивки карел, вепсов и северных русских общими являются концептуально-образные модели и композиционные схемы. Орнамент вышивки можно отнести к особым языкам семиозиса культуры, связывающим мировоззрение, мифологические и эстетические представления с «предметной» сферой бытия.

Эйла Степанова, д-р философии кафедры фольклористики Хельсинкского университета, в докладе «**Карельские причитания – женский язык скорби**» на основе ярких примеров рассмотрела особый поэтический язык карельских причитаний, исполняемых женщинами как в ходе ритуала, так и в обычной, повседневной жизни.

Поэтический язык (или «регистр») причитаний включает в себя не только особый лексикон, т.е. малодоступные для понимания посторонним людям метафорические замены, но и стилистические приемы, музыкальные особенности плача и голоса, язык тела и жестов, которые в совокупности выражают чувства скорби, печали или грусти как плакальщиц, так и их близких.

Доклад к. филол.н., доцента филологического факультета Петрозаводского государственного университета **Инны Минеевой** назывался «**Почитание прп. Варлаама Керетского в Карельском Поморье в XXI веке**». Прп. Варлаам Керетский (XVI в.) – один из наиболее известных местночтимых святых на Русском Севере. В Советской России официальная традиция его почитания по идеологическим причинам была прервана, что привело к почти полному ее забвению. Реактуализация утраченной памяти о святом началась почти через семьдесят лет, с момента возобновившейся миссионерской деятельности русской православной церкви на карельском и архангельском берегу Белого моря и строительства церквей и часовен в честь преподобного чудотворца. В докладе были представлены и подробно прокомментированы некоторые наблюдения над особенностями почитания прп. Варлаама Керетского жителями Лоухского р-на в наши дни.

Тема доклада к. пед. н., доцента С.-Петербургского института кино и телевидения **Надежды Матвеевой** «**Аксиология традиционного народного праздника Ивана Купала**» была посвящена празднику, который содержит в себе историю

взаимодействия и развития славянской ведической культуры с идеологией христианского религиозного мировоззрения. Автором были рассмотрены параллели ролей и функций славянских божеств (Велес – Масленица, Перун – Кострома – Купала), которым поклонялись славяне-русы в дни празднования, а также роль пророка Иоанна Крестителя в становлении Христианства, его взаимоотношение с Иисусом. Было также отмечено, что праздник Рождества Иоанна Крестителя, приобрёл солярные черты, которые слились с славянской мифологией и обрядностью солнцеворота в празднике «Иван Купала». После принятия христианства у восточных и западных славян к дню Рождества Иоанна Предтечи был приурочен целый комплекс ведических обрядов, связанных с летним солнцестоянием. Само название

праздника «Иван Купала» связано с тем, что Иоанн Креститель «купал» Иисуса Христа, когда крестил его.

Профессор Варшавского университета **Людмила Луцевич** сконцентрировалась на изучении финских праздников и выбрала тему из современной литературы: «**Финские праздники в книге Людмилы Коль** *Там, где звенят сосны*», проследив, как описываются Вербное воскресенье, Юханнус, Праздник урожая, День независимости, Рождество, Шведский день, а также масленица, день поэта Рунеберга и др.

Аспирант гуманитарного факультета Хельсинкского университета **Такэхиро Окабэ** посвятил свое выступление исторической теме – отношению между партийной властью и учеными-филологами, которые

На Онеге, деревня Хачела (неизвестный художник, эскиз маслом)

Фото: Кирилл Резник

занимались устным народным творчеством, в особенности русским и карельским (или карело-финским) фольклором, и как полигически использовали устное народное творчество в республике: **«Власть, народное устное творчество и фольклористы в послевоенной Карело-Финской ССР»**.

Людмила Коль выступила как писатель, прочитав один из своих рассказов, в котором описывается быт северной деревни Хачела на реке Онега.

Затем состоялся круглый стол писателей. Он начался с вручения премии журнала: **LiteraruS-2015**.

Премия вручалась в 2006, 2009 и 2012 годах. В этот раз ее разделили авторы журнала прозаик

Татьяна Розина (Германия) и поэт **Хамдам Закиров** (Финляндия).

После награждения прошла презентация вышедших недавно книг. На презентации выступили авторы:

Зинаида Линден («Много стран тому назад»)

Вера Сурво («Образы вышивки и обрядовая семантика текстиля в традициях Карелии»)

Василий Белолы («Современные исследования российского общества»)

Алексей Востров («Шведский архипелаг Финляндии»)

Людмила Коль («Маленький кусочек счастья»).

Редакция благодарит за помощь в организации и проведении семинара

Марьяну Хакала,
Наталью Лопановскую
и Мартти Халтиа.

Тексты докладов будут опубликованы в №3/2015.

Многоязычная культура Финляндии

6 марта 2015 в Городской библиотеке г. Турку состоялся семинар в рамках фестиваля Satakielkuukausi, темой которого является языковое разнообразие в современной Финляндии. Организаторами выступили научно-исследовательский проект многоязычия в в Финляндии, Университет г. Турку и Городская библиотека.

Из чего складывается литература сегодняшней Финляндии? Какую роль играет родной язык в жизни авторов? Каково приходится тем, кто пишет, например, на русском или испанском языках? Как быть, если большинство потенциальных читателей живет в других странах? Каким образом выбор языка влияет на возможности издания и распространения? Эти вопросы интересуют сейчас исследователей.

Все семинаре участвовали писатели, литературоведы, а также много студентов. С докладами выступили директор сети библиотечных услуг Арт Де Хеер, поэт и инициатор проекта Sivuvallot Роксана Крисолого Корреа, прозаик и издатель Людмила Коль, автор комиксов Карстейн Волле. Литераторы рассказывали о своем отношении к языкам, читали отрывки из своих произведений; Людмила Коль представила свои книги, рассказала о проекте журнала LiteratuS и его версиях на разных языках.

Воживленной дискуссии участвовали организаторы семинара: литературоведы Хейди Гренстранд, Олли Леуттю, Юлия Тидигс, прозаик Зинаида Линден, а также профессор-германист Клас Зиллиакус, куратор проекта «Культура для всех» Рита Паквален, поэт Хейди фон Врикт и другие.

Семинар завершился выступлением саамских гостей: поэта Ингер-Мари Айкию и музыканта Миро Мантере. Замечательный дуэт представил совместную программу под названием «Солнце пьет сливки».

Зинаида Линден
Фото: Pietari Visanti

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
ФЕДЕРАЦИЯ
РУССКОЯЗЫЧНЫХ
ПИСАТЕЛЕЙ
МФРП**

Штаб-квартира находится в Будапеште.
Председатель МФРП – Олег Воловик.
Официальный представитель
МФРП в Финляндии – Людмила Коль.

<http://rulit.org>

Редколлегия журнала будет
благодарна, если вы
сообщите
о замеченных значимых
опечатках.

В №1/2015 стр.7 вверху справа
следует читать: «Чужеродное
тело» (2007).

Магазин находится
в центре Хельсинки по
адресу: Vulevardi 7
FIN-00180 HELSINKI

Открыт по будням с 9 до 18 ч.,
по субботам с 10 до 16 ч.

Отдел русских книг бывшей Библиотеки
Института России и Восточной Европы
открыт в библиотеке Селло:

Leppävaarankatu 9, 02600 Espoo.

Фонды доступны всем читателям
библиотек HelMet как в библиотеке Селло,
так и через сеть библиотек региона
Хельсинки.

www.graphics.fi

www.graphics.fi

ALETHEIA PUBLISHING HOUSE
ST.PETERSBURG

www.aletheia.spb.ru

Журнал

«LiteraruS- Литературное слово»

на русском языке выходит 4 раза в год:

весенний, летний, осенний и зимний выпуски;

№5 выходит на финском языке, №6 – по-французски

www.literarus.org

Материалы для публикаций, годовая подписка, заказы принимаются по e-mail:

literarus@kolumbus.fi

LiteraruS